

ПОСТПРАВДА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МАРКСИЗМА

Андрей Вячеславович Яковенко (daoav@rambler.ru)

Луганский национальный университет имени Владимира Даля, Луганск, Украина

Цитирование: Яковенко А.В. (2018) Постправда как показатель современного общества и аналитический потенциал марксизма. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(5): 91–102. <https://doi.org/1031119/jssa.2018.21.5.5>

Аннотация. Современное общество, оказавшись бессильным сформировать здоровую во всех смыслах реальность, продолжает компенсировать собственную беспомощность созданием удобных оправдательных понятийных форм, модных идеологем, вуалирующих реальные проблемы и противоречия. Отказ от отчетливости формулировок, позиционирования, характеристик находит свое проявление в том числе и в возникновении таких терминов, как «постправда». В альтернативу данным подходам многие разработки К. Маркса выступают примером отказа от мифологем, аналитической базой для точных оценок, базирующихся на понимании фактических интересов субъектов. Известные социоинженерные попытки тиражирования постправды в статусе значимой категории пролонгировало традицию подмены качественного изучения процессов и поиска содержательных определений очередной эксплуатацией приставки «пост». Подобная практика неплохо утвердилась и привела к тому, что термины «постиндустриализм», «постмодернизм», «постчеловеческое» стали неотъемлемой частью научного категориального аппарата. Но если с «постиндустриализмом» и «постмодернизмом» еще можно как-то согласиться, хотя бы в том плане, что речь идет о стремлении характеризовать состояние или процессы, проходящие «после» той же индустриальной стадии общественного развития, основы исследования которой заложил К. Маркс, то уж к «человеческому» и тем более «правде» такого рода подход неприемлем. Прежде всего потому что не состоялся период полноценного «человеческого» развития, равно как и невозможно утверждать о наличии до нынешнего дня «эры правды», которая сменяется пресловутой «постправдой».

По большому счету аналитический потенциал марксизма остается востребованным, поскольку сохраняются незабываемыми принципы и закономерности функционирования экономической формации, базирующейся на меркантильных интересах. В этой же связи учение К. Маркса находится в уязвимом положении, отчетливо попадая в ловушку собственного знаменитого «11 тезиса о Фейербахе». Выступая квалифицированным инструментарием объяснения мира, оно реально не привело к его (мира) действительному очистительному в гуманистическом плане изменению.

Ключевые слова: постправда, ложь, интерес, экономическая формация, марксизм, человек.

Появление в общеупотребимом лексиконе термина «постправда» и попытки навязать его в качестве некоей траектории выхода за пределы традиционных споров об истине вызывают в научной среде закономерное отторжение. Такого рода понятийные кульбиты, как представляется, призваны смягчить неприятие политической, экономической и социокультурной обыденности, в которой продолжает доминировать двойная мораль, что, по сути, означает лживость и аморальность сложившихся общественных устоев.

В этом контексте значимость сохранения теоретического наследия К. Маркса как масштабнейшего аналитического фундамента, на котором до сих пор зиждется откровенное и точное описание общих принципов двуличия социальных отношений, причем не только капиталистических, но и всей так называемой экономической формации, кажется более чем оправданной. Во многих работах основоположников марксизма содержатся характеристики и методологические подходы, разоблачающие фальшивость миропорядка, базирующегося преимущественно, если не исключительно, на интересе получения прибыли.

Апеллирование к постправде как феномену новой социальной реальности — отчетливый и красноречивый повод в очередной раз попытаться осмыслить наше существование на стыке между открытостью и лживостью, параметрами социальной жизни, наполненной реальной самоактуализацией и агрессивными формами псевдореализации. Актуальность темы в значительной мере обусловливается сохраняющейся разорванностью между потребностью в открытых, реально правдивых общественных отношениях и тотальными практиками обмана, которые в свое историческое время умело вскрывали и анализировали классики марксизма, совершенствуя принципы светского критического рассмотрения процессов и явлений.

Безусловно, в самой попытке путем постправды обойти острые вопросы, в том числе касающиеся неспособности к искреннему поведению, нет ничего оригинального. Многие стремящиеся к научной и личной чистоплотности ученые выступали с критикой релятивизма, его прямых или косвенных апологетов, понимая общественную угрозу отхода от фундаментализма морали и нравственности, утраты или размывания платформ человеческой порядочности, ясности определения к социальным событиям. Уместно напомнить, что появление марксизма как течения западноевропейской социальной мысли также было откликом на кризис и идейную перенасыщенность интеллектуальной среды религиозной и псевдосветской эклектикой, мифологемами самого экзотического плана. То есть на колоссальную лживость экономической формации XIX в.

ответил поисками правды в лице К. Маркса и его идейных союзников. Нынешний век преимущественно пытается придумывать мимикрирующие суть происходящего идеологические суррогаты.

К рассмотрению собственно постправды можно подходить, опираясь на хорошо всем нам известные из «Немецкой идеологии» базовые постулаты: «Для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса. Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками» (Маркс, Энгельс 1955: 25). Если принимать данный подход за отправной, то вполне разумно предположить, что у «действительно деятельных людей», исходя из вполне материальных предпосылок, родились в виде «отзвуков» идеологические новации в виде постправды. Нет секрета в том, что распропагандированное объявление этого термина от имени Оксфордского словаря «словом года» (2016) — это отработанный прием популяризации понятия, придание ему широчайшей известности и модности. В качестве «материальной предпосылки» для подобного рода популяризации можно предположить необходимость ответить на потребность в правде, остающуюся неудовлетворенной, мало того, всячески извращаемую и нивелируемую. Чтобы отказаться от требований искать, находить и узнавать правду, необходимо предложить ее игнорирование через якобы преодоление правды как таковой. Видимо, контраст между действительностью и ее интерпретацией настолько усилился и стал перерастать в глухое общественное недовольство, что срочно потребовались лингвистические инъекции.

Дело не в самом термине, а, как упоминалось, в симптоматике. Правда, как принцип и практика поведения не определена, трудно, если вообще различаема, тем более достижима, повсеместно не реализуема. Следовательно, велик соблазн перескочить через данную неразрешимую задачу, каким-то образом выйти за рамки совестливости и научной чистоплотности, заставить себя убедиться в приемлемости, допустимости обходиться без тяжести сомнений и поисков. Собственно говоря, ничего нового и в этом нет. Не сработала религиозная догматика, оказались бессильны научные подходы. Разные грани, разные пути поиска натолкнулись на фундаментализм лживости, которую необходимо ловким образом «онаучить». Постправда — стремление демифологизировать правду, создавая еще более упрощенный миф об отсутствии правды как таковой.

При этом любопытно наблюдать сопряжение двух процессов — навязывания восприятия реальности сквозь призму постправды с одновременным повышением амплитуды требовательности к идейным основам, на которых должна базироваться западная цивилизация (известная «ценностная» парадигма). Последняя ведь как раз и подразумевает четкое размежевание правильности и неправильности действий во внутренней и внешней политике и даже экономике, точное следование принципам, зиждущимся на морально-правовых основаниях. Впрочем, в этом отношении апеллирование к целесообразности руководствоваться платформой постправды выглядит даже честнее, нежели демонстрация приверженности «ценностям». Такая принципиальность особо нелепо выглядит на многократно озвученных примерах торговли с влиятельными странами Ближнего Востока, Азии и Африки, никак не укладывающимися в представления о тех же демократических ценностях.

В настоящее время тема постправды получила продолжение с близкой, но, так сказать, альтернативной позиции. Намного устойчивее и более модным, нежели постправда, оказался термин «фейк». Сегодняшнюю насыщенность информационного пространства этим понятием можно считать: а) упрочением традиции множить и популяризировать слова, характеризующие отношения лживости, неправды и т.п.; б) сохранением и даже очередным обострением противоречий в сцепке «ложь — правда» на всех уровнях общественного устройства; в) своеобразным показателем отказа от культивирования постправды и, напротив, неким креном в форсирование принципов идеологичности, в которых, как правило, доминирует радикальное позиционирование правды, противостоящей лжи, ныне определяемой как «фейк». Впрочем, такая замена конкретного, отчетливого и имеющего огромный историко-антиморальный ресурс слова «ложь» (в «мягком» варианте «неправда») на звучное и даже эпатажное «фейк» также означает вполне осязаемое желание смягчить категоричность оценочного лживых действий, придав им некую эстетизированность, пусть даже и негативного свойства. В любом случае сохраняется актуальность темы о правде, об использовании марксизма в качестве инструментария отчетливого анализа и оценки происходящего, определения истинных подоплек событий.

Марксизм как отражение потребности в правде

Марксизм в свое время получил широкую популярность не только, а вполне возможно, и не столько потому, что имел солидную экономико-пропагандистскую подпитку от ряда представителей для того времени прогрессивной элиты, ищущей идейные альтернативы клерикальному

и сословному обществу, сколько потому, что называл вещи своими именами. В его основе лежала предельная откровенность оценок и характеристик. Он, не стесняясь, называл рабство рабством, даже если оно приобретало черты экономической зависимости, а эксплуатацию — эксплуатацией. И сегодня, пусть нередко и в гротескной форме, звучат емкие, отчетливые и беспощадные определения К. Маркса касательно собственности, религии, капитала.

Марксизм изначально провозглашал необходимость обходиться без иллюзорностей, вранья самим себе и другим. «Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется, и люди приходят наконец к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения» — эта известнейшая фраза из «Манифеста Коммунистической партии» по-прежнему может служить правилом подхода к анализу происходящего (Маркс, Энгельс 1955: 427). Многие выкладки К. Маркса продолжают быть актуальными, прежде всего потому что остается незыблемой фальшивость всей социальной системы, использующей идеологические рычаги только лишь для самоконсервации. Глобальная война, растянувшаяся уже не на одно столетие, прошедшая две кровавейших фазы и поныне довлеющая над человечеством, — наиболее отчетливый и драматический показатель неспособности к предельной честности устройства социальных отношений на гуманистических основаниях. Да и на межличностных уровнях трезвость, неиллюзорность, антимифологичность подходов при оценке своего жизненного положения и взаимных отношений так и остается неразрешимой задачей. Однако именно в наиболее кризисные моменты возникает нужда в точности и ясности формулировок.

Придерживаться марксистских принципов при рассмотрении социальных процессов означает сохранять попытки быть критичными, ориентированными не на выражение эгоистических интересов элитных групп. К. Маркс, помимо теоретического контекста, до сих пор значим и интересен как фигура высокой социально-поведенческой честности, в качестве ученого, стремившегося к изучению социальной действительности без оглядки на привычные в бюрократически-карьерном отношении выгодные каноны. Во многом и поэтому марксизм по-прежнему выступает примером точности, емкости характеристик и одновременно существенным раздражителем для тех, кто предпочитает использовать любые способы для реализации корыстных интересов, прикрывая их тиражируемыми модными новозамами. Технологии навязывания постправды, «фейков» и прочего в контексте незыблемой отчетливости марксистского учения можно рассматривать и как показатель того, что каждый «новый» управленческий

класс начинает множить собственную ложь, нередко превосходя в данном умении своих вчерашних оппонентов, делая это наглее и изощреннее.

Приставка «пост» как интеллектуальная уловка

Рассматривая феномен постправды, нельзя обойти вниманием давно сформировавшуюся и расширяющую свои границы интеллектуальную традицию уклоняться от созидания полноценной терминологии, тиражируя категории путем простого прибавления к устоявшимся понятиям приставки «пост». В таком приеме также содержится значительный элемент нечестности. Откровеннее было бы признать, что у научного сообщества не хватает то ли смелости, то ли знания определить новое качество вне примитивного апеллирования к преодолению прежнего состояния путем обозначения его «постсостоянием». Наиболее наглядные, растражированные и активно вошедшие даже в научный оборот понятия «постиндустриализм», «постмодернизм», «постчеловеческое», а теперь, возможно, и «постправда», прорисовывают минимум две практики апеллирования к этой приставке. В одном случае как к процессу, в другом — как к явлению. Причем если применительно к тому же «постмодернизму» или «постиндустриализму» еще можно подходить с позиций смены одного качества другим, то применительно к таким понятиям, как «человек» и «правда», необходимо говорить о существенной спекуляции. Как бы ни спорили специалисты о содержательной наполненности терминов, но индустриальная эпоха и модерн вполне осязаемы и верифицируемы. Следовательно, и их «пост» стадии можно охарактеризовать, как некое измененное состояние. Однако до настоящего времени ни человек не сформировался как социально развитая личность, ни правда не устоялась в ее истинном значении.

Поэтому использование приставки «пост» в отношении человека и правды означает стремление, условно говоря, «перепрыгнуть» и через человека, и через правду. Не «постчеловек», а человек как саморазвивающийся индивид, не пасующий перед правдой, предельно искренний, вызывает главный страх и представляет опасность для расчетливого мира деляг и ростовщиков. Об этом говорили еще классики марксизма. Оправдывать же переход к «постчеловеку» апеллированием к возможным изменениям человеческих качеств под воздействием биотехнологий, как это делал в известном произведении Ф. Фукуяма, вряд ли целесообразно (Фукуяма 2004). Честнее говорить о тотальном в историческом измерении бесчеловечном обществе, которое может стать еще бесчеловечнее в результате внедрения биоинноваций. Тем более никак нельзя признать существование периода правды, на смену которому приходит постправда.

В свое время К. Марксу не пришло в голову определять капитализм постфеодализмом. Напротив, хватило умения дать отчетливые сравнительные характеристики, не оставлявшие сомнения в эволюционировании феодальных порядков в капиталистические. А того же человека основоположнику марксизма приходилось определять лишь в качестве потенции, которую способно раскрыть так пока и несостоявшееся коммунистическое общество. Впрочем, вполне возможно, что за злоупотреблением приставкой «пост» стоит не что иное, как подспудное и, скорее всего, до конца не осознаваемое представление об отсутствии каких-либо принципиальных изменений, сохранение позиций все той же экономической формации с ее стяжательством, эксплуатацией и обманом. Она с ее базисным интересом получения прибыли, прикрываемым общегуманистической фразеологией, изначально зиждется на двуличии. И пока не произойдут по-настоящему радикальные изменения не технологического, а социального и личностного планов, парадигма капиталистических отношений преодолена не будет. Ведь тот же «постиндустриализм» от «индустриализма» отличается лишь зримой оболочкой, оставляя нерешенными большинство проблем, описанных К. Марксом еще на заре индустриальной эпохи. Высказаться отчетливо, без вуалирования пребывания в содержательном тупике посредством банального «пост» означало бы в том числе признать сохраняющуюся правоту марксизма касательно критики политэкономической элиты, неспособной к гуманизации общества, разрешению важнейших вопросов о будущем преобразований, а также распяться в бессмысленности, опять-таки бесчеловечности значительного исторического отрезка без видения конструктивных ориентиров. Как точно подмечал Ж. Тоценко, характеризую политическую элиту, «качество или есть или нет» (Тоценко 2015: 479).

Сложно рассматривать какие-либо перспективы развития глобально-социума вне контекста поиска путей выхода за рамки консервативных практик, сформированных на изощренном обмане, интригах и подлости. Попытки подменить нацеленность на достижение искренности и прозрачности в социальных связях идеологическими подделками наподобие постправды лишь усиливают всеобщий кризис, подготавливая почву для очередного цивилизационного взрыва, способного устранить человечество в значении активного социобиологического вида.

Уязвимость мечты

В рамках сопряжения действительной (термин, некогда популярный у марксистов) правды и откровенного анализа с опорой на марксизм нельзя уклониться и от критического взгляда на результативность прогнозных

оценок и позитивных ожиданий, рожденных К. Марксом. Отстаивая принципы правдивого, а не постправдивого отношения к жизни, было бы нечестным не отметить уязвимость так пока и несбывшихся надежд тех, кто опирается на марксизм как мировоззренческий фундамент. И основной здесь видится не столько проблема излишних мечтаний о революционном потенциале пролетариата, очистительной роли классовой борьбы и прочих подобных, но скорее поверхностных аргументах критики. Сложности фундаментальнее, а теперь уже фатальнее. Марксизм был и остается колоссальным, оптимистическим по настрою и целеполаганию теоретическим концептом. В нем наличествовала вера во внутренний потенциал человеческой личности, в ее социально-конструктивную направленность. Ведь, как справедливо отмечал Э. Фромм, «теория Маркса, как и все социалистическое движение, была радикальной и гуманистической — радикальной в выше упомянутом смысле, что человек есть мера всех вещей, что полное развертывание его способностей должно быть целью, критерием всех усилий по преобразованию общества» (Фромм 2011: 199–200). И постправда — ничтожный, но весьма красноречивый индикатор продолжающегося кризиса личности, не справляющейся с важнейшей задачей-мечтой марксистов — освобождением человечества от самого себя низменного, завравшегося, подлого и агрессивного. Напомним один из жестких выводов, который делает Дэвид Лейн, разбираясь с причинами разрушения социалистической системы: «Падение государственного социализма подтвердило убеждение в том, что общество не может быть организовано на основе рациональных форм коллективизма и кооперации, а также в том, что вожди не могут действовать альтруистически от имени общества» (Лейн 2006: 218).

Нам всем пришлось пережить мимирию, упадок и дискредитацию мечты, столкнувшейся с реалиями деляческого и весьма мелкотемного социального бытия. Конечно же, вполне естествен аргумент о том, что «концепция К. Маркса и Ф. Энгельса отражает тот уровень познания социализма, который вытекал из существа их эпохи» (Файнбург 2013: 78). Но ведь молодой К. Маркс, согласно классической интерпретации 11 тезиса о Фейербахе, отстаивал необходимость преобразования мира (Маркс 1955: 4). Однако до сих пор его учение помогает скорее лучше объяснять сложный, противоречивый мир, нежели по-настоящему изменять его в сторону улучшения качества человека. Впрочем, нельзя, даже принимая во внимание весь шлейф неправды глобального и локального уровней, отрицать некую социальную прогрессию. Равно как и нецелесообразно избегать констатации вполне очевидной и опаснейшей перспективы всеобщего уничтожения, способного снести все идеи вместе с их носителями. Преобразования, за которые боролся и в освежительную социальную силу

которых верил К. Маркс, с одной стороны, состоялись, разрушив гигантское сословное мироустройство, с другой стороны, породили очередные сословные порядки закрытого, неформального, неочевидного плана. И самое главное, прошедшие многочисленные революции, если не прятаться от правды, не породили нового однозначно неагрессивного социально-политического уклада. Гармонизация международных и межличностных отношений с неизбежным сопряжением позиций, подходов, если уместно выразиться, различных «правд», предлагавшаяся и предполагававшаяся в рамках доктрины марксизма, вдохновляла принципиальных интернационалистов, представлялась выходом за пределы узконаправленных, локальных и альтернативистски ориентированных «правд». Но эти общецивилизационные мечты пока так и остались мечтами. Прогнозы К. Маркса деструктивного порядка сбываются, а вот надежды на миролюбие, минимальную разумность общества — отнюдь.

Марксизм «подвела» его же тяга к абсолютной честности. Он до сих пор чересчур искренен и тем самым неприемлем для мира, так и не привыкшего к открытости и откровенности. Данный инструмент абсолютной прозрачности анализа оказывается невостребованным, когда требует применения не для оценки «противника», а в собственный адрес. Печально, что потенциал марксизма полнее используется в так называемой «Realpolitik», и не задействован для преодоления циничных расчетов и целей субъектов геополитического противостояния.

Выводы

Появление в информационном пространстве термина «постправа» — показатель стремления ряда представителей интеллектуальных кругов, задающих идеологические тренды, уклониться от задач выявления реальных причин невозможности формировать социальные отношения на фундаменте открытости и прозрачности. Постправа — выгодная позиция смирения, несмелости и упрощения посредством мнимого усложнения. В то же время это красноречивое проявление остроты проблемы лживости в деятельности социальных институтов, отчетливое саморазоблачение современного социума в его неспособности определиться в устойчивых критериях правды и истинности, а главное — действительной моральности принципов взаимодействия на межличностном уровне, в политике и экономике. Посредством культивирования подобного рода псевдопонятий имеют место попытки окончательно убрать твердую исследовательскую почву под ногами, деактуализируя не только сами понятия, но и суть явлений, а значит, откажутся от борьбы за достоинство личности, гуманизм и реальную правду.

Объявляемый переход к постправде — продолжение давно наметившейся традиции, в рамках которой сложные и значимые сущности, явления, процессы принято определять, прибавляя к ним приставку «пост». Такая примитивизация аналитического аппарата стала обыденностью и предметом критики ученых, понимающих ограниченность подобного подхода. Основная причина неоригинальности категорий нового порядка видится в том, что сам социальный уклад абсолютно не новый, а во многом прежний со всеми характеристиками, многократно озвученными в работах К. Маркса касательно той же тотальной эксплуатации, неморальной борьбы за прибыль, повсеместной вовлеченностью в беспринципность глобальных рыночных отношений.

Наследие классиков марксизма выступает существенным подспорьем для противодействия попыткам подменить критический анализ общественных отношений некими удобными псевдонаучными терминами. В свое время именно марксизм стал платформой искренней оценки бесчеловечности феодальных и капиталистических отношений, выступая в роли «светского откровения». Его популярность во многом обуславливалась насущной потребностью обрести программу для созидания общества без двойной морали. Равно как и стал отторгаться, после того как был использован для прикрытия аморальных действий.

Поиски траекторий выхода за рамки фундаментализма лживости и безнравственности социальных устоев с опорой на идейный потенциал гуманистов и без изобретения очередных псевдонаучных категорий — единственный, хотя и маловероятный путь к удержанию человеческой цивилизации в качестве конструктивного актора вселенского миропорядка. В ближайшее время разрыв между необходимостью отчетливых, открытых характеристик происходящего и стремлением к понятийному словоблудию, призванному прикрыть катастрофичность ситуаций в деятельности всех социальных институтов, продолжит нарастать.

Литература

- Лейн Д. (2006) *Подъем и упадок государственного социализма. Индустриальное общество и социалистическое государство*. Киев: Институт социологии НАНУ; Харьков: Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955) Манифест Коммунистической партии. Маркс К., Энгельс Ф. *Собрание сочинений*. Т. 4. М.: Политиздат: 419–459.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955) *Немецкая идеология*. Маркс К., Энгельс Ф. *Собрание сочинений*. Т. 3. М.: Политиздат: 7–544.
- Маркс К. (1955) Тезисы о Фейербахе. Маркс К., Энгельс Ф. *Собрание сочинений*. Т. 3. М.: Политиздат: 1–4.

Тощенко Ж.Т. (2015) *Фантомы российского общества*. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.

Файнбург, З.И. (2013) *Коллективистское общество: Идеал. Теория. Реальность*. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политех. ун-та.

Фромм Э. (2011) *По ту сторону поработавших нас иллюзий. Как я столкнулся с Марксом и Фрейдом*. М.: АСТ; Астрель.

Фукуяма Ф. (2004) *Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции*. М.: АСТ; ЛЮКС.

POST-TRUTH AS AN INDICATOR OF MODERN SOCIETY AND ANALYTICAL POTENTIAL OF MARXISM

Andrei Yakovenko (daoav@rambler.ru)

Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk, Ukraine

Citation: Yakovenko A. (2018) Postpravda kak pokazatel' sovremennogo obshchestva i analiticheskiy potentsial marksizma [Post-truth as an Indicator of Modern Society and Analytical Potential of Marxism]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(5): 91–102 (in Russian).

<https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.5.5>

Abstract. Modern society, being powerless to form a reality that is healthy in all senses, continues to compensate for its helplessness by creating convenient justifying conceptual forms, fashionable ideologies, veiling real problems and contradictions. Refusal of distinctness of formulations, positioning, and characteristics is reflected in the appearance of terms like “post-truth”. In an alternative to these approaches, many of Marx’s developments are an example of rejection of mythology, an analytical basis for accurate assessments based on understanding of actual interests of subjects. The emergence and known socio-engineering attempts to replicate “post-truth” as a significant category continued the practice of substituting a qualitative study of processes and search for meaningful definitions by the next “exploitation” of the prefix “post”.

Usual approach is unacceptable to such terms as “post-human” and even more to “post-truth”. First of all, because it is difficult to assert about the stay of society precisely “after” the full stage of “human” development, not to mention the “era of truth”, which is replaced by the notorious “post-truth”. Analytical potential of Marxism remains in demand, since the principles and laws governing the functioning of an economic formation based on mercantile interests remain unshakable. In this connection, the teachings of Karl Marx remain vulnerable enough, clearly falling into the trap of his own famous “11 Theses on Feuerbach”. Continuing to act as a qualified tool for explaining the world, it did not really lead to its (world) real cleansing change in humanistic plan.

Keywords: post-truth, lie, interest, economic formation, Marxism, human.

References

Faynburg Z.I. (2013) *Kollektivistskoye obshchestvo: Ideal. Teoriya. Real'nost'. Memorial'noye izdaniye* [Collective Society: The Ideal. Theory. Reality. The memorial edition]. Perm': Izd-vo Perm. nats. issled. politekh. un-ta (in Russian).

Fromm E. (2011) *Po tu storonu poraboshchayushchikh nas illyuziy. Kak ya stolknulsya s Marksom i Freydom* [Beyond the enslaving illusions. How I came across Marx and Freud]. Moscow: AST; Astrel' (in Russian).

Fukuyama F. (2004) *Nashe postchelovecheskoye budushcheye: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii* [Our Posthuman Future: Consequences of biotechnology revolution]. Moscow: AST; LYUKS.

Leyn D. (2006) *Pod'yem i upadok gosudarstvennogo sotsializma. Industrial'noye obshchestvo i sotsialisticheskoye gosudarstvo* [The rise and fall of state socialism. Industrial society and a socialist state]. Kyiv: Institut sotsiologii NANU; Khar'kov: Khar'kovskiy natsional'nyy universitet im. V.N. Karazina (in Russian).

Marx K., Engels F. (1955) *Manifest kommunisticheskoy partii* [Manifesto of the Communist Party]. In: Marx K., Engels F. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works], vol. 4. Moscow: Politizdat: 419–459 (in Russian).

Marx K., Engels F. (1955) *Nemetskaya ideologiya* [German Ideology]. In: Marx K., Engels F. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works], vol. 3. Moscow: Politizdat: 7–544 (in Russian).

Marx K., Engels F. (1955) *Tezisy o Feyyerbakhe, Sobraniye sochineniy* [Theses on Feuerbach]. In: Marx K., Engels F. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works], vol. 3. Moscow: Politizdat, 3: 1–4 (in Russian).

Toshchenko Zh.T. (2015) *Fantomy rossiyskogo obshchestva* [Phantoms of Russian society]. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga (in Russian).